Суслов Андрей Владимирович

ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК МЕСТО ИСПРАВЛЕНИЯ ПОДНАЧАЛЬНЫХ

Статья посвящена истории Валаамского монастыря, раскрывает одну из серьезных проблем этой обители в середине XIX века, связанную с пребыванием в монастыре подначальных, штрафных лиц. Ссыльных епитимийцев отправляли на Валаам как в место исправления, где они крайне негативно действовали на монашествующую братию и паломников. Игумены Вениамин, а затем Дамаскин пытались освободить обитель, которую они возглавляли, от присылаемых арестантов. В итоге настойчивые действия игумена Дамаскина, поддерживаемые архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), увенчались успехом. Священноначалие, рассмотрев проблемы, создаваемые епитимийцами, приняло положительное для монастыря решение. Исследование позволит воздержаться от повторения неудачного опыта – использования монастырей в качестве принудительно-исправительных учреждений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 169-173. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)
Исторические науки и археология

Статья посвящена истории Валаамского монастыря, раскрывает одну из серьезных проблем этой обители в середине XIX века, связанную с пребыванием в монастыре подначальных, штрафных лиц. Ссыльных епитимийцев отправляли на Валаам как в место исправления, где они крайне негативно действовали на монашествующую братию и паломников. Игумены Вениамин, а затем Дамаскин пытались освободить обитель, которую они возглавляли, от присылаемых арестантов. В итоге настойчивые действия игумена Дамаскина, поддерживаемые архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), увенчались успехом. Священноначалие, рассмотрев проблемы, создаваемые епитимийцами, приняло положительное для монастыря решение. Исследование позволит воздержаться от повторения неудачного опыта – использования монастырей в качестве принудительно-исправительных учреждений.

Ключевые слова и фразы: Валаамский монастырь; игумен Дамаскин; дисциплинарные проблемы в монастыре; подначальные; ссыльные лица; расследование конфликтов.

Суслов Андрей Владимирович (иеромонах Агафангел)
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Agafangel01@ya.ru

ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК МЕСТО ИСПРАВЛЕНИЯ ПОДНАЧАЛЬНЫХ©

В период истории Русской Православной Церкви, называемый Синодальным, государственная власть стала рассматривать и использовать Православную Церковь в качестве одной из подпорок для поддержания стабильности в Империи и финансового благосостояния государства. Это произошло в результате церковной реформы Петра I, которая обязала церковные учреждения служить в первую очередь не столько Церкви, сколько государству [20, с. 89-102]. Православные монастыри в России изначально являлись источниками развития культуры (богословской, изобразительной, прикладной, певческой, зодчества, книгоиздания, образования) [10, с. 15-16; 11, с. 132-142]. Со времени правления императора Петра I в России изменилась органика соединения - симфония Церкви и государства. С выходом «Духовного регламента» в 1720 г. и «Прибавления к нему» в 1722 г. [14, с. 433-435] Русская Православная Церковь становится составной частью государственного механизма, а Святейший Синод - государственным учреждением, напрямую зависящим от светской власти [17, с. 89-90]. Оставшиеся в XVIII веке монастыри теперь рассматриваются более с практически-прикладной, утилитарной точки зрения, они становятся, по распоряжению власти, более не источниками уединенной молитвы и духовного предстояния Богу, а чаще местами содержания заключенных, приютами для калек и душевнобольных, престарелых солдат и инвалидов [18, с. 264-265]. Женские монастыри распоряжением правительства теперь обязываются устраивать у себя ночлежные дома, больницы и приюты для сирот [Там же, с. 532]. Это не могло не отразиться на духовно-молитвенной, созерцательной жизни монастырей, используемых в вышеуказанных утилитарных целях. Одним из таких мест заключения и исправления ссыльных арестантов стал знаменитый Северный Афон – русский Валаам…

Исследование проблематики, связанной с подначальными на Валааме, необходимо, поскольку позволяет правильно оценить опыт - успешность использования монастыря в качестве принудительно-исправительного учреждения, позволяет прикоснуться к бесценному опыту игуменов и монахов Валаамского монастыря, столкнувшихся с этим фактом в середине XIX века. Подначальные (ссыльные, поднадзорные) лица, совершившие церковные, канонические, нравственные преступления, ссылаемые властью в монастыри для исправления своих проступков и моральных качеств. Синодальный период не оставил нам соответствующих исследований о Валааме по данному вопросу, поскольку очевидно, что результаты подобных изысканий подорвали бы авторитет «Духовного регламента» и «Указа о монашестве», этих «канонических книг» синодального периода, на основе которых впоследствии в Российской империи сложилось негативное, пренебрежительное отношение к монастырям и самой Церкви. В советский период возможность объективных исследований по истории Православной Церкви была еще более исключена по известным идеологическим причинам. Также необходимо отметить определенную недоступность для российских церковных исследователей из духовных школ монастырских архивов Валаама, находящихся за «железным занавесом» в Финляндии. В настоящий момент вышеизложенные препятствия устранены, необходимые факты известны и архивные материалы доступны. Источниковой базой исследования являются дела подначальных из архива Валаамского монастыря в Финляндии; материалы фондов «Канцелярии Св. Правительствующего Синода», «Канцелярии обер-прокурора синода» из РГИА, фондов «Петроградской Духовной Консистории» и «Троице-Сергиевой пустыни» из ЦГИА СПб.; свидетельства из частной и деловой переписки игумена Дамаскина с архимандритом Игнатием (Брянчаниновым); отчеты о состоянии Валаамского монастыря, написанные благочинным С.-Петербургской епархии архимандритом Игнатием (Брянчаниновым).

Обращаясь к историческому контексту, следует отметить, что Валаамский монастырь после опустошения его шведами в XVII в. и пожаров в середине XVIII в. [12, с. 303] вновь был возрожден к монашеской жизни в конце XVIII века. Что было сделано с благословения митрополита Гавриила (Петрова) [22, с. 116-119] и

© Суслов А. В., 2013

трудами игумена Назария, который принес и установил на Валааме строгий общежительный устав по примеру Саровской пустыни [19, с. 49-53]. Игумен Назарий начал возрождение Валаамского монастыря в 1782 г. в одиночку, к 1790 г. к нему собралось 12 человек единомышленников, а к 1796 г. число братии возросло до 55 человек, не считая трудников [Там же, с. 62]. При умножившейся в монастыре братии на Валаам стали присылать подначальных. Таким образом, уже в 30-е годы XIX века в Валаамский монастырь помещены: запрещенный диакон Канакин [1, д. 5, л. 1-11], запрещенный священник Сергий Сергеев [Там же, д. 8, л. 1-8], поселянин Иван Артамонов [Там же, д. 9, л. 1-6], священник Козьма Успенский [Там же, д. 12, л. 1-6] и т.д. Можно с уверенностью сказать, что насильно ссылаемые в монастырь для исправления за различные пороки и проступки лица впоследствии явились одним из компонентов той «благодатной почвы», на которой легко возникла и активно развилась монастырская смута на Валааме в 40-е годы XIX века. Другой составляющей, активизировавшей возмущение братии в этот период, являлись проживающие на Валааме лица без документов, среди которых часто оказывались несостоятельные должники, укрывающиеся от платежа в обители, либо рекруты (призывники) избегающие службы в армии. Третьей группой лиц, активно участвовавших в смуте, были ревнители сугубого благочестия, которые во всяком монастырском нововведении видели ересь и отступление от Православия и считали своей обязанностью стойко защищать свою веру. Несколько игуменов сменилось в обители за небольшой, но печально-активный период: с 1823 г. по 1839 г. Неспокойная монастырская обстановка в итоге закончилась открытым возмущением иноков, т.е. – смутой [16, д. 1082, л. 182-198, д. 1082а].

Для рассмотрения причин этого возмущения Святейшим Синодом в январе 1838 г. на Валаам была послана следственная комиссия во главе с благочинным монастырей С.-Петербургской епархии [1, д. 29, л. 1-7]. Еще в период расследования смуты, начавшейся в связи с появлением в монастыре так называемой «масонской ереси», архимандрит Игнатий (Брянчанинов), описывая этот конфликт [13, с. 148], в своем отчете настоятельно рекомендует священноначалию удалить ссыльных арестантов с Валаама: *«Благосостояние монастыря еще более требует удаления из оного подначальных, которые и сами приходят в состояние отчаяния и подают резкий пример безнравственности братиям, соблазняют их беседами злыми, послабляют их в благочестивых подвигах»* [12, с. 400]. Как пример, он сообщает об иеродиаконах Матфее [1, д. 4, л. 2-10] и Иосифе [2, д. 27, л. 1-11], которые никогда не исповедуются, не причащаются Святых Христовых Тайн, ни даже в светлый день праздника Святой Пасхи их можно принудить прийти в церковь. Кроме них, архимандрит Игнатий называет еще более десяти человек из братии обители и ссыльных лиц, которых необходимо перевести с острова для водворения спокойствия в монастыре: иеромонахи Герман, Ираклий, Варлаам, иеродиакон Сергий, монахи Мартирий, Нифонт, Палладий, Иоаким, священник Сергий, диаконы Тимофей Вещезеров, Иоанн Николаев-Сергиев [12, с. 401]. Священноначалие прислушалось к рекомендациям главы следственной комиссии, переведя означенных лиц с Валаама в монастыри Архангельской и Вологодской епархий и поручив их надзору игуменов данных обителей [2, д. 23, л. 1-11; 8, с. 177]. Однако это не избавило Валаамский монастырь от дальнейшего использования острова в качестве места исправления штрафных лиц. Помимо вышеперечисленных подначальных, удаленных с Валаама, сюда были присланы новые епитимийцы: священник Павел [2, д. 19, л. 1 – 1 об.], диакон Семен Марков [Там же, д. 22, л. 1-4], пономарь Андрей Маковецкий [Там же, д. 51, л. 1-4], подмастерье Самуил Тавастберг [Там же, д. 1, л. 1-11]. Однако последние лица, поступив на Валаам в 1839 году, доставляли проблемы уже новому настоятелю - Дамаскину.

Отец Дамаскин назначен игуменом Валаамского монастыря в результате расследования «смуты»; после смещения священноначалием игумена Вениамина, который был переведен в Костромскую епархию [21, д. 192, л. 1-3]. Пребывая игуменом Валаамского монастыря более сорока лет, с 1839 г. по 1882 г., Дамаскин большую часть времени своего настоятельства посвятил цели: освободить Валаам от присылаемых штрафных лиц. В итоге решительному игумену удалось достигнуть своей цели: Валаамский монастырь избавлен от функций тюремно-исправительного учреждения. Однако на достижение указанной цели ушло порядка двадцати лет – вот почему на описании проблемы с подначальными при Дамаскине следует остановиться особо.

Общее число ссыльных на Валааме с 1839 г. по 1859 год, по монастырским документам, составляет 106 человек, из которых 14 не доехали до места своей ссылки [7, д. 47, л. 7-25]. Общее число этих лиц при исследовании существенно разделяется по роду деятельности (социальной принадлежности), а также по сроку ссылки. При такой систематизации из источников видно, что решительное большинство епитимийцев принадлежат к церковному сословию, подавляющее большинство из которого составляет: белое духовенство - 27 священников и диаконов, а также церковно-приходской причет - 56 человек, меньшее место занимают монахи и черное духовенство - 4 человека, [Там же]. Отдельную группу составляют светские лица: это государственные служащие (разночинцы), дворовые люди и принадлежащие к купеческому сословию - 17 человек [Там же]. Наименьшее число из ссыльных на Валаам были лица воинского звания - 2 человека [Там же], тем не менее, как оказалось, это одна из самых агрессивно настроенных и решительных групп среди штрафных лиц. Рассматривая сроки ссылки, следует заметить, что большая часть епитимийцев помещалась под надзор в монастырь: на два-три месяца, полгода, год. Встречаются сроки: два-пять лет, и есть несколько подначальных, отправленных на Валаам бессрочно. Основные причины помещения ссыльных на монастырский остров можно обозначить так: пьянство, блудная жизнь, покражи (растрата денег), нетерпимые упущения в службе, драки (буйное поведение), бродяжничество, ложные доносы [Там же]. На Валаам также ссылалось духовенство, лишенное сана, за вышеперечисленные проступки. Далее необходимо отметить, что с удалением в 1839 году из Валаамского монастыря самых невоздержных и виновных в смуте лиц, духовное состояние обители еще не нормализовалось, поскольку многие иноки, несмотря на принятые меры к умиротворению, стремятся уйти с Валаама [12, с. 428-429]. Об этом свидетельствуют рапорты: в этот же год поданные

прошения о переводе из монастыря по личному желанию следующих лиц: о. Осипа, иеромонаха Корнилия, иеродиаконов Иосифа, Илиодора, Виталия, диакона Тимофея Тимофеева, монахов Сергия, Арфаксада, Иакова, послушников Алексия Сушкина, Якова Петрова [2, д. 4, 16, 18, 20, 21, 46, 49]. Таким образом, с Валаама принудительно удалено, или добровольно перешли в другие обители, более двадцати человек. Оставшаяся в монастыре братия была в этот период согласна с духовным курсом, проводимым игуменом Дамаскиным. Из подначальных на острове в этот период были оставлены наиболее спокойные лица.

Дамаскин стал настоятелем Валаамского монастыря по рекомендации благочинного монастырей С.-Петербургской епархии архимандрита Игнатия (Брянчанинова), который писал о нем священноначалию: *«способным к сей должности [настоятеля] полагаю: Дамаскина, скитоначальника, который один показался лишь довольно искусным монахом во всем Валааме…»* [12, с. 411; 16, д. 1082, л. 59], - когда расследовал причины смуты на Валааме [13, с. 148]. Потому в дальнейшем к своему непосредственному покровителю и начальнику отец Дамаскин обращается с просьбами о содействии и поддержке. Одно из обращений было связано с новыми штрафными лицами, присылаемыми на Валаам [8, с. 177]. Известна позиция самого архимандрита Игнатия по этому вопросу, изложенная им еще в отчете 1839 года [12, с. 400], и его ходатайство, избавившее тогда Валаамский монастырь от наиболее опасных арестантов. Однако, спустя несколько лет, в 1843 году, он пишет игумену Дамаскину: *«весьма сожалею, что к Вам присылают много подначальных, от которых нельзя ожидать другого, как только расстройства обители. Я на сей предмет не могу иметь прямого влияния, а советую Вам обратиться с просьбою к Преосвященному…»* [Там же, с. 438]. Архимандрит Игнатий обещает также, что если будет возможность, он и сам скажет в пользу Валаамской обители, в которой присутствие ссыльных производит особенный вред. Таким образом, проблема с подначальными вновь становится известной священноначалию. Тем не менее, положение дел не меняется: на Валаам по-прежнему присылают епитимийцев для исправления.

Очередное обострение ситуации с подначальными в монастыре происходит с прибытием на остров новых штрафных лиц - отставного флота лейтенанта Киреева (1844-1845 гг.) [3, д. 44, л. 1-31] и не менее опасного для братства по своей агрессивности иеромонаха Мефодия (1844-1846 гг.) [4, д. 41, л. 1-30]. Николай Киреев был переведен в Валаамский монастырь по указу Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, несмотря на принятое 29 января 1825 года Высочайшее решение «О не отправлении больше на послушание военных в Валаамский монастырь», и тогда же утвержденное Святейшим Синодом [15, д. 110, л. 1]. Пребывание этого лица на Валааме было крайне скандальным: лейтенант Киреев, нанеся побои двум рясофорным монахам, пытался и самому игумену Дамаскину нанести удары, а до этого случая уже неоднократно заводил драки в монастыре [3, д. 44, л. 12]. Не раз это лицо пред всей братией поносило настоятеля и самый монашеский чин, почему и впредь, как пишет в рапорте игумен Дамаскин, следует ожидать от него самых опасных поступков. Игумен был вынужден прибегнуть к помощи четырех казаков, находившихся в монастыре для говения, чтобы унять разошедшегося военного. Естественно, что все эти события в подробностях описаны в рапортах отца Дамаскина в Духовную консисторию и к благочинному архимандриту Игнатию [Там же, л. 7, 22, 29], где Валаамский игумен буквально умолял священноначалие избавить монастырь от лейтенанта Киреева, который и духовно, и телесно разрушал монашескую жизнь на Валааме. Определением указа духовной консистории от 2 июня 1845 г. за № 2569 *«отставной лейтенант Киреев заключен в Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь, имеющий более способов надзора за подобными лицами»* [Там же, л. 30].

Не менее сложностей было с иеромонахом Мефодием, который переведен на Валаам из Введенского Островского монастыря и первоначально был помещен в монастырскую больницу для улучшения здоровья [4, д. 41, л. 1-2]. По выздоровлении отец Мефодий даже допущен к совершению богослужений в обители, но совершал их небрежно и с упущениями. Будучи увещаем старшей братией и настоятелем, не исправлялся, за что был отстранен от священнослужения в монастыре. В результате конфликта поносил настоятеля и братию площадными словами, разбил стекло экономской келии. Покушался нанести удары настоятелю, а 11 июля 1846 г. иеромонах Мефодий ножиком причинил послушнику Ефиму Кузьмину две раны [Там же, л. 18]. Перед лицом таких фактов благочинный архимандрит Игнатий рапортом за № 196 от 29 мая 1846 г. уведомил игумена Дамаскина, что иеромонах Аполлос и монах Иоанникий командированы священноначалием в качестве следственной комиссии для рассмотрения поступков иеромонаха Мефодия. В результате письменных показаний братии и разбирательства с и.м. Мефодием комиссия выясненные обстоятельства дела донесла в консисторию, где было определено: *«Приказали и Его Высокопреосвященство утвердил: По произведенному исследованию о предосудительных поступках иеромонаха Мефодия <…> запретить в священнослужении и ношении рясы и рукоблагословении…»* [Там же, л. 21]. Далее, в результате личной беседы с упомянутым клириком, вызванным в С.-Петербург, архимандрит Игнатий заметил в нем сильное расстройство ума, а последующий медицинский осмотр только подтвердил его диагноз. Сопоставив данные медицинского осмотра с предположениями архимандрита Игнатия о поступках отца Мефодия, консистория признала умопомешательство данного лица и приняла иное решение: за произведенные им действия иеромонаха Мефодия никакому суждению не подвергать, а для лучшего содержания перевести его в Старо-Ладожский Николаевский монастырь, поскольку тот находился в городе, где болящему могла быть легко оказана медицинская помощь [Там же, л. 29].

Новая серьезная конфликтная ситуация со штрафными лицами на Валааме возникла спустя три года, когда в 1849 году на остров прибыли протоиерей Петр Левашов [5, д. 12, л. 1-79], а затем рядовой Николай Веселаго [6, д. 56, л. 1-11]. Последние сумели собрать вокруг себя единомышленников, среди которых следует назвать священника Авксентия Стратановича, попавшего под надзор за нанесение увечий; иеродиакона Исаию, за пьянство и самовольный уход из монастыря отправленного под надзор; иеродиакона Климента, сосланного за пьянство [13, с. 178]. В основном эту общину составляли подначальные лица, но также некоторые из Валаамской братии примкнули к этой группе недовольных. Объединившись, они в прямом смысле

начали вести войну против игумена Дамаскина, ломая установленный монашеский порядок и своим ядом заражая остальных монахов, как сам он пишет: *«Шайка самых искусных и закоренелых делателей зла, составившаяся из присланных сюда под надзор в течение последних шести лет, весьма повредила нравственность многих из живущих в монастыре…»* [Там же]. Таким образом, для Валаамского монастыря это обернулось катастрофой, с тяжелыми взаимными подозрениями, обвинениями и доносами. Противостояние вылилось в тягостный для монастыря судебный процесс, тянувшийся несколько лет, однако, в результате благоразумных действий настоятеля и не менее значимого заступничества благочинного-архимандрита Игнатия (Брянчанинова), возмутившихся лиц, *от которых все зло*, смогли удалить из Валаамского монастыря, о чем сам Дамаскин пишет: *«с замиранием сердца, озираясь на смуты, не раз страшно волновавшие Валаамскую обитель, в 20-летнее время моего настоятельства, глубоко-опытно сознавая, что первая и главнейшая причина этих страшных смут было нахождение в монастыре людей подначальных; с неизъяснимой радостью сердца вижу теперь Богоприятную тишину на месте святе…»* [7, д. 47, л. 1-4]. В 1859 году последних из них переводят в другие монастыри и на Валаам более не посылают [12, с. 429]. Однако, уже управляя обителью длительный срок и зная ситуацию в монастыре, игумен Дамаскин на этом не успокаивается и обращается в 1864 г. к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору со словами: *«Сердце у нея [обители] наболело в высшей степени, почему и тяготит ее один вид штрафного лица… одно может успокоить ее, одно может сделать ее чисто монашеским селением, одно может составить навсегда радость ея сынов: это дражайший указ Святейшего Синода, освобождающий ее от помещения в ней всякого рода штрафных лиц. Исходатайствуйте, исходатайствуйте этот указ, умоляем, незабвенный Владыко!»* [7, д. 47, л. 31-32]. После чего он добивается официального запрета от Святейшего Синода даже возможности в будущем присылать штрафных лиц на Валаам [8, с. 177].

Таким образом, из рассмотренных исторических событий и фактов следует заключить, что подначальные составляли одну из серьезнейших проблем для Валаамского монастыря в середине XIX века, которая отрицательно влияла как на внутреннее, духовное состояние братии, так и на внешнюю сторону монастырской жизни. Также необходимо отметить негативное влияние штрафных лиц на приезжающих православных паломников из русских областей и из Финляндии, т.е. важно не пропустить миссионерское значение Валаамского монастыря, располагавшегося вблизи протестантской Финляндии, жители которой часто посещали обитель и получали отрицательное впечатление о Православной Церкви под влиянием негативного поведения подначальных здесь.

Исследование позволяет сделать отрицательный вывод об успешности пребывания и исправления ссыльных лиц на Валааме. Об исправлении епитимийцев в данном монастыре можно только рассуждать, теоретически предполагать и говорить об положительных аспектах этого предприятия в единичных случаях. Однако в отношении самого монастыря следует однозначно признать разрушительность такового его использования: пребывание штрафных лиц здесь крайне пагубно как для братии и трудников, так и для паломников обители. Подобное использование монастырей только дает повод врагам Православной Церкви говорить о церковных застенках и монастырских казематах. Исследование также позволяет по достоинству оценить административную деятельность архимандрита Игнатия как благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии, как защитника и покровителя Валаамского монастыря, активно участвовавшего в наведении порядка здесь и умиротворявшего враждующих иноков, т.е. создававшего наиболее необходимые условия для возрождения духовной жизни обители.

Список литературы

1. **Архив Финляндского Валаамского Монастыря** (АФВМ). Ea: 1. 1822-1838.
2. **АФВМ.** Ea: 2. 1839.
3. **АФВМ.** Ea: 7. 1845.
4. **АФВМ.** Ea: 8. 1846.
5. **АФВМ.** Ea: 12. 1849-1857.
6. **АФВМ.** Ea: 17. 1854-1857.
7. **АФВМ.** Ea: 22. 1859-1864.
8. **Валаамский избранник. Жизнеописание, поучения, письма игумена Дамаскина к разным лицам.** М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2007. 335 с.
9. **Валаамский монастырь и его подвижники.** СПб.: Валаамский монастырь, 2011. 584 с.
10. **Вергунов А. П., Горохов В. А.** Монастыри земли русской. М., 2009. Кн. 1. 800 с.
11. **Зырянов П. Н.** Русские монастыри и монашество в XIX в. и XX в. М., 2002. 320 с.
12. **Игнатий (Брянчанинов), епископ.** Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2002. Т. III. 601 с.
13. **Маханов Онуфрий, иеродиакон.** Причал молитв уединенных. Валаамский монастырь и его небесные покровители преподобные Сергий и Герман. СПб., 2005. 738 с.
14. **Православная энциклопедия.** М., 2007. Т. 16. 753 с.
15. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 796. Оп. 106.
16. **РГИА.** Ф. 796. Оп. 119.
17. **Смолич И. К.** История Русской Церкви 1700-1917. М., 1996. Ч. 1. 798 с.
18. **Смолич И. К.** Русское монашество 988-1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999. 606 с.
19. **Степашкин В. А.** Преподобный Назарий Валаамский подвижник Саровской пустыни. Изд. отд. Нижегородской епархии, 2009.
20. **Указ Петра I «Объявление, когда и какой вины начался чин монашеский» («Духовный регламент»)** // История Русской Церкви 1700-1917. М., 1996. Ч. 1. 798 с.
21. **Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга** (ЦГИА СПб). Ф. 1883. Оп. 53.
22. **Цыпин В., протоиерей.** История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004. 838 с.

VALAAM MONASTERY AS ECCLESIASTICAL CONVICTS CORRECTION PLACE

Suslov Andrei Vladimirovich (Hieromonk Agafangel)
Orthodox St. Tikhon Classical University
Agafangel01@ya.ru

The author considers Valaam monastery history, reveals one of the serious problems of this cloister in the middle of the XIXth century, related to ecclesiastical convicts and penalized persons, who were kept in the monastery. Exiled penance prisoners were sent to Valaam with the purpose of their correction, but they extremely negatively influenced the monastic brethren and pilgrims. Father Superior Benjamin and then Father Superior Damascene tried to free the cloister they headed from these prisoners. In the end, Damascene's persistent efforts, supported by archimandrite Ignatius (Brynchaninov), were crowned with success. The Church authority, having considered the problems caused by the penance prisoners, made a decision favourable for the monastery. This reseach can help avoid repeating the negative expierence of using the monastery as a correctional institution.

Key words and phrases: Valaam monastery; Father Superior Damascene; disciplinary problems in monastery; ecclesiastical convicts; exiles; inquest of conflicts.

УДК 94(47)
Исторические науки и археология

В статье рассмотрены особенности протекания социально-демографических процессов среди жителей юга Красноярского края в условиях становления современного типа воспроизводства населения, для которого характерны относительно низкая рождаемость и невысокая смертность. Основной упор в работе сделан на анализе и сопоставлении изменений таких показателей как уровень смертности, рождаемости, естественного прироста, брачности и разводимости.

Ключевые слова и фразы: смертность; рождаемость; естественный прирост; брачность; разводимость.

Тиникова Елена Евгеньевна, к.и.н.
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
ivandaevaee@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1970–1980-Е ГГ.©

В рассматриваемый период шел процесс становления современного типа воспроизводства населения на всей территории СССР, для которого характерны средняя или низкая рождаемость и сравнительно невысокая смертность.

Коэффициент рождаемости в стране и регионе во второй половине XX века претерпел значительные изменения и характеризовался колебаниями: и в сторону увеличения, и в сторону уменьшения. Тенденция падения рождаемости, зафиксированная еще с начала 1960-х гг., в первой половине 1970-х гг. была устойчивой. Низкая рождаемость, не превышающая 15,9 рождений на 1000 человек населения [5, с. 5], послужила главной причиной постарения населения. В середине 1980-х гг. в ходе первых лет перестройки повсеместно был отмечен скачок числа рождений, который к концу десятилетия вновь понизился.

Для юга Красноярского края также был свойственен скачкообразный характер динамики показателей рождаемости. Быстрые темпы падения рождаемости в селах были связаны с урбанизацией региона. С одной стороны, уменьшалась абсолютная численность сельских жителей. С другой, из села мигрировали в основном молодые люди, что приводило к ухудшению половозрастной структуры сельчан.

Начиная с 1972 г., по Хакасской автономной области наблюдалось повышение коэффициента рождаемости и некоторая его стабилизация на уровне 20-21‰. По городской местности этот показатель достиг своего максимума в 1982 г. – 20,9‰, а по сельской в этот период он остановился на уровне 22,9‰ [6, с. 3-4, 6-7]. Более высокий уровень рождаемости в сельской местности, в том числе, был обусловлен этническими факторами. По переписи 1970 г. на селе проживало более 82% хакасского населения области, для которого была характерна более высокая рождаемость.

Всплеск рождаемости в 1970-х гг. объясняется высоким уровнем миграционного прироста населения в связи со строительством объектов Саянского ТПК, вхождением в репродуктивный возраст поколений послевоенных лет рождений. Государством был также разработан ряд мер, направленных на поддержание режима естественного воспроизводства населения.

Самыми значительными в 1970-е гг. стали меры государственной демографической политики по стимулированию рождаемости путем улучшения материального положения семей, имеющих детей, а также путем повышения роли женщины в обществе. Им был предоставлен годовой оплачиваемый отпуск и выплачивалось

© Тиникова Е. Е., 2013